

Молодой господин следил за Его Королевским Высочеством более десяти лет, и вам наверняка не терпится вернуться в особняк Шуньвань, не так ли?

Плач Цзюцяньсуя не был тем воем, который выплеснул все его эмоции, скорее, он тихо и сдержанно плакал. Если не считать слез, катившихся по его лицу, лишь слабое рыдание в его голосе выдавало его эмоции.

То, как Цзюцяньсуй осторожно подавлял свои чувства, заставило меня еще больше... беспокоиться за него.

Или, возможно, это было нечто большее, чем просто беспокойство. Я тоже понятия не имел, что это за мрачное чувство в моем сердце. Слово комка ваты, пропитанный рисовой пастой, он тяжело сдавливал мою грудь. Мне было не то чтобы больно, но крайне заметно, даже мое дыхание в его присутствии казалось каким-то неровным.

В конце концов я так и не нашел в себе смелости ответить. Так что все, что я мог сделать, это закрыть глаза и притвориться, что я крепко сплю после изнеможения.

На самом деле мои актерские способности были не очень хороши, но, поскольку Цзюцяньсуй был пьян и полностью погружен в свои горести, он ничего не заметил.

К счастью, его признание продлилось недолго. Закончив свое последнее предложение, он почувствовал, будто снял все напряжение в своем теле. Его слезы медленно прекратились, и, тихонько всхлипнув несколько раз, он замолчал.

Я выдохнул с облегчением. Мое чрезвычайно измученное тело больше не могло отдавать силы, чтобы не дать мне заснуть, поэтому я неосознанно погрузился в глубокий сон рядом с ним.

Однако после того дня в моей жизни вообще не произошло никаких изменений.

Трезвый Цзюцяньсуй был такой же, как обычно. Он придерживался своего обычного графика, являлся ко двору вовремя и запретил мне выходить или выступать. И так же, как и раньше, он носил меня, как ребенка, водил в уборную и купал, и все равно использовал эти инструменты, чтобы играть со мной и лишать меня спокойствия и самообладания.

Как будто та ночь была не чем иным, как моим сном, а Цзюцяньсуй со слезами на глазах никогда не существовала в этом мире.

Но я твердо верю, что он там был.

В течение первых нескольких дней заключения я потерял рассудок из-за огромного страха перед внезапным изменением отношения Цзюцяньсуя. Но, успокоившись, я понял, что мне будет стоить лишь краткий миг наблюдения, чтобы обнаружить, что за его безразличием ничего особенного не изменилось. Он никогда по-настоящему не причинял мне вреда.

Например, мои новые раны от борьбы во время нашей близости всегда были замазаны лекарством, когда я просыпался на следующий день. Или, например, вокруг моей лодыжки всегда был простой носовой платок по железным кольцом, или у кровати всегда стоял кувшин с чистой теплой водой.

Еще через несколько дней Цзюцяньсуй снова стал очень занят. Но на этот раз он неизбежно смягчился. Он не только удлинил цепь на моих ногах, чтобы я мог свободно передвигаться по всей спальне, но и приготовил ночной горшок на противоположном конце комнаты. Кроме того, он также попросил А Юань приносить мне еду три раза и вовремя. Хотя она уходила сразу после доставки еды и никогда не говорила больше, чем необходимо, мое положение значительно улучшилось по сравнению с предыдущим.

По крайней мере, я мог встретить больше людей, кроме него одного, и мне не придется каждый день стоять перед простой стеной, ожидая, пока откроется дверь, как обиженная жена, ожидающая своего мужа.

Моя жизнь оставалась в этом состоянии довольно продолжительное время. Если внимательно посчитать, прошло уже больше полумесяца. Каждый день перед рассветом Цзюцяньсуй вставал и шел во дворец и возвращался, утомленный работой, после того, как я сонно засыпал. У нас даже не было возможности встретиться лицом к лицу, и он больше ничего мне не сделал. Каждую ночь он умывался, молча поднимал одеяла и ложился. А потом посреди ночи он тянул меня на руки, пока еще был во сне.

Иногда, когда я слишком долго спал днем и не мог заснуть ночью, я тайком поглядывал на него, пока мы лежали в постели.

Когда он закрывал пару ледяных, свирепых глаз, его черты лица становились потрясающе великолепными. Длинные брови, ястребиные глаза, высокая переносица, тонкие губы, гладкая и нежная кожа. Однако эти черты вовсе не казались женскими. Вместо этого в нем была беззаботная и безудержная харизма. Даже сейчас, несмотря на явные темные тени под глазами, его внешний вид не был ни в малейшей степени сброшен со счетов.

Если бы он никогда не вошел в Восточное депо, он был бы очаровательным молодым господином, которым восхищались и любили бесчисленное количество молодых девушек.

Но в этом безжалостном мире ни одна из порядочных семей не отправит своего ребенка во дворец, чтобы он стал евнухом... Должно быть, у Цзюцяньсуя тоже трагическое прошлое.

Возможно, я сошел с ума. Как у человека, не имевший даже права свободно передвигаться, у меня вдруг возникли чувства, похожие на симпатию к нему.

И вот я позволил себе потеряться в этих мыслях и уснул только с рассветом. В результате я снова проснулся поздно. Солнце уже стояло высоко, а завтрак на столе совсем остыл. Среди блюд выпечка стала настолько твердой, что мне было трудно ее жевать, так что, должно быть, ее доставили более двух Шиченов назад. (Прим: Один Шичен, □□, длится около двух часов. В древнем Китае день делился на двенадцать частей)

К счастью, была середина лета, и я без труда вымылся холодной водой. Я в спешке привел себя в порядок. И, как я и ожидал, вскоре я услышал шаги во дворе, который должен был принадлежать А Юань, которая должна была принести мне обед.

Сейчас я сосредоточился на том, чтобы распутать простыню с железной цепи. Поскольку цепь была слишком длинной, она часто за что-нибудь запутывалась, поэтому я привык каждый день тратить небольшую часть своего времени на то, чтобы разобраться с ней.

Дверь распахнулась, издав протяжный скрип, но я не обернулся. В конце концов, А Юань было приказано не вступать со мной в ненужные контакты, и ей не требовалось мое разрешение, чтобы войти в спальню.

Поскольку прошлой ночью я был довольно беспокойным, простыня была особенно грязной и запуталась в цепи, даже образуя между ними несколько узлов. Мне потребовалось немало времени, чтобы полностью её распутать. После чего я небрежно похлопал и разгладил её и услышал, как мой желудок протестует от голода.

Именно в этот момент человек позади меня, наконец, заговорил.

«Молодой господин Кэ».

Я был потрясен, и только тогда вдруг понял, что не слышал звука закрывающейся двери. Когда я обернулся, я увидел неожиданное лицо.

Этим человеком была не А Юань. Это была Сяо Ван, горничная, которая прислуживала мне, когда я жил в другом дворе. После того, как я уехал, я услышал, что ее перевели на кухню.

Сяо Ван послушно стояла возле стола. С её руки свисал контейнер с едой, и она почтительно приветствовала меня.

«Сестра А Юань сегодня плохо себя чувствует, поэтому попросила меня принести еду от ее имени».

«Ах... ладно».

Прошло так много времени с тех пор, как я в последний раз что-либо произносил. Мне пришлось несколько раз открыть рот, прежде чем вспомнить, как издавать звук, а затем я

ответил сухо.

Я собирался спросить ее, почему она разговаривает со мной, но прежде чем я успел собрать слова, она поставила контейнер с едой, настороженно выглянула за дверь и быстро сделала два шага ко мне ближе.

«Молодой господин, у нас осталось мало времени. Пожалуйста, послушайте, что я скажу». Сяо Ван опустилась на колени в шаге от меня, понизив голос.

Все еще удивленный, я кивнул в ответ.

«Это письмо было отправлено Его Королевским Высочеством Шуньваном. Я использовала вымышленное имя, чтобы войти в особняк Дюгоней и позаботиться о вас». Она быстро закончила, вытащила из рукава маленькую нефритовую табличку и протянула ее мне обеими руками. Даже без тщательного осмотра я сразу смог распознать, что это уникальная нефритовая табличка, принадлежавшая доверенным подчинённым Его Королевского Высочества. У меня была такая же, и я хранил её во внутреннем кармане одежды восемь лет.

Я в ужасе посмотрел на нее.

«Короче говоря, я извиняюсь за свою некомпетентность. Я не имела возможности часто общаться с молодым господином в особняке Дюгоней, но я внимательно следила за ситуацией молодого господина. Несколько дней назад я нашла возможность доложить о вашей ситуации Его Королевскому Высочеству. Его Королевское Высочество очень беспокоился о вас, поэтому он послал меня передать сообщение о том, что Его Королевское Высочество сможет помочь молодому господину сбежать от кастрированного и вернуться в особняк Шуньвань».

Хотя Сяо Ван стояла на коленях на полу, она пристально смотрела на меня. В ее словах я не смог обнаружить никаких следов прежнего подчиненного поведения. Мое сердце екнуло, и я подозревал, что ее статус среди людей Его Королевского Высочества должен быть довольно высоким.

Однако я не мог понять, почему за все эти годы я ни разу не встретил столь значительную фигуру.

«Тем не менее, поскольку молодой господин оказался здесь в ловушке, возможно, он не знает о ситуации снаружи. Его Королевское Высочество сталкивается со все новыми и новыми трудностями при дворе. Хотя Его Королевское Высочество заключил с этим кастрированным соглашение, и они до сих пор являются союзниками при дворе. Но втайне кастрированный создал многочисленные препятствия для Его Королевского Высочества, создавая помеху попыткам Его Королевского Высочества сосредоточиться на более великом плане.

Два месяца назад, когда Его Королевское Высочество посетил особняк Дюгоней, он узнал о грязных желаниях кастрированного по отношению к вам, молодой господин. Его Королевское

Высочество полагал, что за это время молодой господин, должно быть, перенес невыносимые страдания. Так что, если молодой господин готов воспользоваться этими грязными желаниями, лучше и быть не может. Благодаря нашему сотрудничеству мы сможем сбросить этого кастрированного с его высокого положения. Затем, как только Его Королевское Высочество успешно возьмет на себя власть и информаторов кастрированного, он сможет немедленно вернуть молодого господина обратно в особняк Шуньвань. Даже если вы больше не сможете служить тайным гвардейцем, вы все равно сможете наслаждаться жизнью в богатстве и комфорте.

Молодой господин следил за Его Королевским Высочеством более десяти лет, и вам наверняка не терпится вернуться в особняк Шуньвань, не так ли? Прямо сейчас все, что вам нужно сделать, это кивнуть. Что касается того, как действовать по нашему плану, я найду еще одну возможность обсудить его с вами подробно».

Сяо Ван говорила очень быстро. Хотя ее глаза время от времени устремлялись к двери, ее слова все равно были ясными и краткими, объясняя всю ситуацию в нескольких предложениях.

Я с опаской сжал пальцы, но не смог твердо кивнуть ей, как она предлагала.

Это правда, что я хотел уйти отсюда, но также верно и то, что я хотел вернуться в особняк Шуньвань. Однако мысль о том, чтобы причинить вред Цзюцяньсюю или даже... нанести ему удар в спину, воспользовавшись его чувствами, никогда не приходила мне в голову.

Даже если бы я отбросил все воспоминания и время, которые мы разделили за это время, мой контракт жизни и смерти в настоящее время находился в руках Цзюцяньсюя, и о предательстве моего собственного хозяина не могло быть и речи.

Однако искушение вернуться на сторону Его Королевского Высочества было слишком велико, настолько велико, что теперь постоянно расшатывало веру в преданность, которую мне внушали с детства.

Увидев, что я потерялся в своих мыслях, выражение лица Сяо Ваня стало мрачным. Она собиралась уговорить меня, когда со двора пришло несколько напоминаний.

Напоминания принадлежали слугам, стоявшим за пределами двора, которые также отвечали за присмотр за мной.

Я наблюдал за ней, когда она поспешно сказала: «Молодой господин, пожалуйста, подумайте об этом. Я приду снова в следующий раз», а затем быстро взяла пустой контейнер из-под еды и ушла. Когда ее фигура исчезла, я погрузился в глубокое созерцание.